

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ТРАНСЛЯТОР КУЛЬТУРНОГО КОДА НАЦИИ

Худолей Н.В.

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

The article describes the concept of the cultural code and its various types. The texts of the works of fiction are considered to be the channels to transmit the national cultural code.

Каждый этнос живет и развивается только при условии, если он не теряет своего культурного кода. Под культурным кодом подразумевается «ключ к пониманию данного типа культуры, уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков. Это закодированная в некоей форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это культурное бессознательное – не то, что четко говорится или осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понимать поведенческие реакции» [1]. Культурный код принято по-другому называть национальным менталитетом.

Проблема культурного кода или национального менталитета на сегодняшний день является одной из самых актуальных для культурологов, социологов, философов, политологов, экономистов, поскольку помогает не только понять культурные особенности нации, но и выстраивать стратегии национального развития в будущем.

Понятию культурного кода посвящена книга Клотера Рапая «Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему», ставшая национальным бестселлером в США в 2007 году. Обобщая опыт своих многолетних исследований, К. Рапай определяет культурный код как подсознательные смыслы, вкладываемые людьми в любой объект (автомобиль, блюдо местной кухни, способ взаимодействия между людьми, наконец, страна) и формируемые под воздействием национальной культуры, в которой эти люди были социализированы.

Так, по мнению Рапая, культурным кодом для Америки в целом как для страны является «подростковость». В стране, чья история насчитывает чуть больше 200 лет, взрослые люди продолжают вести себя как подростки – стремятся переделать весь мир, отвергают авторитеты и отказываются слушать «старших», то есть представителей более зрелых культур.

Американцы громко и темпераментно выкрикивают свое мнение, а потом легко меняют его на противоположное, сегодня берутся за что-то с огромным энтузиазмом, чтобы завтра забыть об этом проекте, а потом снова начать все сначала. Они просто доверчиво верят в свою правоту, непобедимость и по-подростковому переживают, когда жизнь ставит их веру под вопрос.

США экспортируют подростковые моды по всему миру – вместе с бейсболками, джинсами, футболками, кроссовками, фаст-фудом и голливудскими фильмами. В качестве типичных выразителей подросткового духа Америки К. Рапай называет Майка Тайсона, Тома Круза и Билла Клинтона [3].

В России вопрос сохранения своей национальной и культурной идентичности в нынешних непростых условиях является одним из злободневных. Способна ли отечественная культура сохранить свою неповторимость и предложить векторы движения в будущее? Или же нам уготована судьба периферийного субъекта мирового культурного пространства? Эти вопросы ставятся на самых высоких уровнях: президент России В. Путин поставил цель сформировать образ будущего нашей страны как полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром. Вопросы будущности русской культуры поднимаются депутатами Государственной Думы, а также представителями науки, культуры и искусства: учеными, народными и заслуженными артистами, режиссерами, художниками. Они отмечают значение духовно-нравственных, христианских корней и традиций русской культуры, помогших российскому народу пережить не одно трудное лихолетье, с честью преодолеть «смутные времена», сформировавших характер государственно мыслящего и социально ответственного гражданина великой страны. Эти традиции живы и в наши дни. Чем очевиднее, что Россия «сосредотачивается», выстраивает стратегию развития, возвращается к своим нравственным истокам, тем более востребованными в обществе становятся ценностные ориентиры, великое реалистическое искусство, культурное наследие наших предков.

Принято выделять три типа глобальных культурных кодов: дописьменный (традиционный), письменный (книжный) и экранный, находящийся сегодня в стадии формирования. В каждом культурном типе присутствует основной культурный код, открытый к изменению и самопорождению новых, вторичных культурных кодов. В письменном (книжном) культурном типе основным культурным кодом является текст. Текст вплетен в ткань культуры нитями языка. Язык привносит в текст посредством своих единиц фрагменты картины мира, закрепленной языком в сознании языковой личности, т.е. текст порожден контекстом языка и служит его иллюстрацией. Кроме того, текст во внешнем плане порожден развитием культуры данного периода и отражает его идеи, то есть сам текст репрезентует ее. Таким образом, связи текста и культуры разноплановы. Будучи цельным образованием, он оказывается связанным с культурой как своей порождающей материей. Кроме того, он оказывается связанным с языковым кодом национально-культурного сообщества и через него опосредованно коррелирует с культурой как мировидением нации. Ядром же книжного культурного типа являются, на наш взгляд, классические тексты. Под классическими текстами мы понимаем такие, которые формируют культурный код нации, то есть без знания которых представители единой нации не смогут вполне понять друг друга или вникнуть в реалии окружающего мира. Какие же тексты художественной

литературы сформировали и продолжают формировать культурный код россиянина?

Интересно отметить, что в гимназических учебниках конца XIX века Пушкин или Гоголь вообще не упоминаются. Это было время Ломоносова и Карамзина. Чуть позже «вошли в обиход» литературные критики Добролюбов, Чернышевский, Белинский, которые потом вместе с Пушкиным и Лермонтовым вошли в официальный канон. И они долгое время считались обязательными для образованного человека.

В школьных программах после Великой Октябрьской социалистической революции (с 1917 по 1935 год) уроков литературы и истории как таковых не стало. Были только обществоведческие курсы, в которых литературные произведения использовались для иллюстрации тех или иных положений в классовой борьбе. Например, когда проходили тему «Крестьянские восстания», предлагалось читать «Капитанскую дочку» Пушкина. Когда в 7 классе дети изучали тему «Город», читали «Медного всадника» Пушкина, «Город желтого дьявола» Горького и т.д. Таким образом, Лермонтов и Толстой оставались за рамками, так как не удавалось их пристегнуть ни к одной теме.

Правда, в конце 1920-х годов была сделана попытка систематизировать наше литературное наследие. Были «легализованы» Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Гончаров, Чехов. В 30-е годы начинает формироваться школьная программа, которая существует и сегодня. Правда, из этого списка был исключен Достоевский, которого терпеть не мог Ленин. И только при Хрущеве «Преступление и наказание» было восстановлено в учебниках по литературе.

С тех пор литература XIX века остается практически неизменной. Зато радикально изменился список литературы XX века. Например, «Поднятая целина» Шолохова была «изгнана» из учебников, а появились стихи Пастернака, «Реквием» Анны Ахматовой, «Один день Ивана Денисовича» Солженицына.

В период с 1930 по 1950 годы на пике популярности оказались книги «о вечном и большом». В литературе искали нравственные опоры, чувства самоуважения и изображения тех человеческих качеств, которые помогают выжить в условиях, несовместимых с жизнью. Примером такой литературы стал «Гамлет» Шекспира. Только за одно десятилетие вышло четыре перевода «Гамлета», самым знаменитым из которых стал пастернаковский в 1941 году. Получилось так, что у Гамлета читатель учился благородству, у Достоевского - совести, чести - у «Двух капитанов» Катаева, чувству юмора - у Остапа Бендера Ильфа и Петрова.

С 1950 по начало 70-х годов наступила эпоха действительно массового чтения в СССР. Культурный код пополняется внешкольными Толстым и Достоевским, переводятся Маркес и Воннегут. Возвращается Булгаков со своей «Белой гвардией». Это было время, когда Маркес и его «Сто лет одиночества», Воннегут, братья Стругацкие открыли читателям другую, волшебную и магическую сторону реальности. Читатели стали осознавать, что мир устроен нерационально, что вера в исторический прогресс и исторический оптимизм

наивна, что нельзя спасти мир, зато можно попытаться любить и этим самым спасти себя и своих близких.

В перестроечную эпоху (с середины 1980-х по 1996 г.г) к концу 1987 года пала цензура, и в течение нескольких лет люди прочитали все, что до этого было запрещено. Что самое интересное, не так много книг вошло в культурный код во времена перестройки. Вошли Кафка и его «Процесс», «Мастер и Маргарита» Булгакова, произведения Хармса, а также предвестник будущей фантазийной эпохи - «Властелин колец» Толкиена.

Период с 1997г. по настоящее время считается периодом новой литературы. Три книги стали самыми главными пунктами культурного кода нашего времени: эпопея Джоан Роулинг о Гарри Поттере, «Generation «П» Пелевина и ... Библия. По мнению литературоведов, в этих книгах очень много общего. Прежде всего, все они преодолели все мыслимые и немыслимые пороги популярности. Например, Пелевин со своим «Generation «П» стал первым российским литератором, стартовые тиражи которого перевалили за 350 тысяч. Роулинг - всемирная рекордсменка по продажам. Ее книги продавались со скоростью 375 тысяч копий в час в день выхода. О популярности Библии можно и не говорить. Эти книги поистине стали народными. Они рассказывают о новой реальности, где маленький человек может все. 11-летний Гарри Поттер побеждает злого волшебника, наркоман у Пелевина с помощью цифровых персонажей управляет государственной политикой, верующий чудесным образом исцеляется. Одним словом, герой нового времени может творить мир по своей воле, по своему образу и подобию.

Чтобы стать частью культурного кода нации, книга должна не только соответствовать духу своего поколения, отражать свое время. Она должна содержать нечто большее, чтобы быть интересной и востребованной во все времена. А это означает, прежде всего, отвечать или пытаться отвечать на самые главные вопросы, которые ставит жизнь.

Литература

1. Википедия – версия энциклопедии на русском языке – <http://ru.wikipedia.org>
2. Гайфуллина А. «Культурный код» России. // Выбор (социальная газета) - № 15 (898) - 2013 – 03 – 29.
3. Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. – Пер.с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 167 с.